

БЕЛОЕ ПОКРЫВАЛО

Рассказ

В этот выходной день я собирался отдыхать, бездельничать, лежать с книжкой в руках на полянке вблизи Терека. Но пришла Надя и попросила просмотреть её доклад. Надя— дочь заведующей станичным домом колхозника, в котором я квартирую. Сегодня она дежурит вместо матери, — мать рано утром уехала на колхозную плантацию за капустой.

Надя управилась по хозяйству и пришла в мою крошечную угловую комнатушку.

— Проверьте, пожалуйста, мой доклад, — правильно я написала или неправильно?

Я удивился, — зачем понадобилось такой маленькой девочке писать доклад?

— Ого, — возразила Надя, — вот так маленькая, уже скоро двенадцать лет.

Она положила на стол листок, вырванный из тетради, — одна страничка исписана полностью, другая — до половины. «Доклад о 33-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции».

— Где же ты будешь делать доклад?

— На собрании пионерского отряда школы. Мама говорит: «Пиши сама, живи своим умом». Вот я и написала. Только, может, у меня чего не так получилось? Я ещё ни разу не делала докладов.

— Ну что ж, давай прочитаем.

Но взяться за Надин доклад мне не удалось. В дверь постучали.

— Можно до вас, товарищ специальный корреспондент?

В комнату вошёл плечистый паренёк лет семнадцати, одетый в праздничный суконный костюм и новые ботинки. Галстук в широкую косую полоску был повязан так туго, что углы воротничка поднимались, как жабры только что пойманной рыбы. Выгоревшие широкие брови светлее обветренного лица. Я где-то встречал этого парня и не мог припомнить где, — за четыре дня я встречался со многими людьми станицы.

Он присел на табурет, покрутил в руках новенькую кепку. Заметив на столе листки Надино доклада, он улыбнулся:

— Значит, пишем?

— Пишем, — подтвердил я.

— Хорошее дело. Я сам иной раз пишу в районную газету.

И тут я припомнил, что встречал этого парня в колхозе «Красное знамя». Там у них неплохая стенгазета с острыми рисунками, стишками и фельетонами. Этот светловолосый паренёк — самый активный член редколлегии, фамилия его Цибулин, Григорий Цибулин.

— Ты ко мне по делу, товарищ Цибулин?

— Да оно вроде как дело и не дело, товарищ специальный корреспондент...

Цибулин смущённо улыбался. Нетрудно было предположить, что он принёс стихи. Но он не предъявил стихов. Он повёл неясный окольный разговор на тему о том, что в печать иной раз попадают неверные сведения, искажающие действительное положение вещей.

— Пишешь то, а получается не тс...

Видимо, он хотел предостеречь меня от какой-то ошибки. В моём блокноте имеются довольно пространные записи по колхозу «Красное знамя». Урожай зерна и винограда в

этом колхозе большой. В нём много замечательных стахановцев. В частности, семья Цибулиных,— вот этот Григорий, его мать, сестра и младший брат,— заработала очень много зерна. Пшеницу во двор этой семьи привезли на трёх грузовиках под красными флагами (о таком транспорте часто пишут в газетах, но всё равно и я напишу). Есть семьи и покрепче цибулинской. Есть в колхозе славный опытник — фамилия его у меня записана, — он ведёт участок многолетней пшеницы и голозерного ячменя. В новом клубе колхоза готовят постановку «Вассы Железновой» Горького. Я вчера был на репетиции вместе с председателем колхоза Богданюком. Постановка складывается очень неплохо.

Хуже идёт уборка хлопчатника, но Богданюк сказал: подтянемся, навалимся, за три-четыре дня очистим поля. Словом, я имею неплохой материал для очерка. И потому визит Гриши Цибулина встревожил меня.

В корреспондентской практике случаются всякие неожиданности. Бывает так: соберёт корреспондент гору замечательных фактов, — только бы писать да радоваться. Как вдруг появляется вечером скромная, неопределённо улыбающаяся личность и начинает выбивать из корреспондентского блокнота один за другим лучшие факты: — «Председатель у нас, конечно, хороший, душевный человек, только он по пьяному делу загнал насмерть племенного жеребца... Бухгалтерша колхозная, которая давала вам разные выписки, тоже работает неплохо. Одна беда—с райпрокурором спуталась, вместе они прикрывают огромные растраты и того жеребца, так что колхоз скоро в трубу вылетит...»

Побеседует такая личность часок-другой, и корреспонденту остаётся одно из двух: либо выбросить опороченный блокнот, либо засесть в этом населённом пункте ещё недельки на три, чтобы получить в итоге унылый материал о сложнейшей и пустейшей бытовой склоке. Бывает. Вот почему не люблю я одиноких неопределённо улыбающихся посетителей.

А Гриша Цибулин всё сидел, вздыхал, улыбался и вёл путаннейший разговор на тему о том, что не всякий факт есть факт. Беседа явно не вязалась. Её внезапно оживила Надя. Она спросила:

— Гринь, а Лиду уже наряжали?

— Наряжали.

— Красивая она теперь?

— Ну... как обыкновенно.

— Ого, вот так обыкновенно. Вся в цветах. А платье белое, прямо по полу тащится, — я вчера примерку видела.

И тут выяснилось, что в доме Цибулиных сегодня свадьба: сестра Гриши — Лида Цибулина — выходит замуж за учёчика второй тракторной бригады Николая Воротынцева.

— Чего же ты тут сидишь? — набросился я на Гришу.— Там у вас теперь веселье, хлопоты всякие, а ты тут теряешь время; иди, гуляй, о делах после поговорим.

— Да оно тут дело, может, и пустяковое, а срочное, товарищ специальный корреспондент. Нужна маленькая консультация... Как вы мыслите насчёт фаты?

Признаюсь, я никогда и никак не мыслил насчёт фаты.

— Это такое белое покрывало, — пояснил Гриша.— Прилаживается невесте на голову и сзади висит... ну, ещё там цветы что ли прикалываются... Так вот. Одни говорят, что это так просто спецовка для свадьбы. А другие говорят, что это чистый опиум и в загс даже невозможно являться... Кольку Воротынцева застращали, говорят, вот увидит специальный корреспондент такую штуку да и пропишет... А оно же фактически совсем не то, товарищ специальный корреспондент.

— Не знаю, Гриша. Плохой я консультант по этим вопросам. Мне несколько раз случалось видеть, как в загсе записываются. Невесты бывают преимущественно в белом обмундировании. Но это необязательно. Одну невесту я помню в красном крепдешиновом

платье, а одна была просто в солдатской гимнастёрке и с погонами... Что же касается фаты, то она, если я не ошибаюсь, применяется при церковном браке,— когда венчают.

— Вот же! — горячо воскликнул Гриша,— Тут уже по всей станице болтовня идёт, что Кодька с Лидкой под венец собрались. И всё из-за фаты. А тут бабка жмёт до невозможности,— чтобы обязательно под фатой. Ну просто морока, честное слово...

Я заверил Гришу, что ничего не буду писать о свадьбе, приехал я в станицу по более серьёзным вопросам и мне просто некогда заниматься бытовыми делами. Пусть Коля Воротынцев успокоится. Желаю ему и Лиде счастья.

Уже попрощавшись, Гриша задержался в дверях.

— Очень извиняюсь... А можно поступить в литературный институт при неполном среднем образовании? Хотя бы на заочное.

— Заходи после свадьбы, потолкуем.

Проводив Гришу, мы с Надей вновь принялись за её доклад. Это был чудный ароматный детский лепет о революции, как её понимает Надя — о самом, самом большом празднике, о школах, о садах, о пионерском отряде, о сплошных пятёрках, о том, как хорошо жить, когда на земле мир, и как плохо, когда война. Поэтому мы хотим, чтобы войны не было, а чтобы был мир. В конце доклада, перед здравицей, Надя вмонтировала восемь строк стихов. Я не знаю, кто их написал, вероятно, Маршак или Барто, но стишки о школе, о желтеющих листочках за окном, о подружках и друзьях и о книжках — просто замечательные.

Я предложил Наде:

— Ты прочти доклад вслух, а я прослежу по часам, и мы узнаем, сколько времени он займёт.

Надя взобралась на табуретку и с огромным воодушевлением прочла доклад, уложив весь его боевой текст в четыре с половиной минуты. Я бурно аплодировал. Надя поддержала меня не менее искренними аплодисментами.

— Правда, интересно получается? Хотите, я ещё раз прочту?

И она прочла ещё раз. И опять были бурные аплодисменты. Надин текст не нуждался в поправках. Правда, в нём не были отмечены первые великие завоевания Октября.

— Может быть, про землю упомянуть,— вслух подумал я.

— Это можно,— вежливо согласилась девочка. — Только куда же её вставить, землю — снизу или сверху?

Подходящего места для земли в Надином докладе не было. Вдруг она громко рассмеялась и захлопала в ладоши.

— Тут же есть про землю! А мы с вами забыли. Смотрите-ка, чего тут написано: «на земле мир». Ага, ага!

— Верно,— в докладе имелась и земля, и всё, что обеспечивало несомненный успех доклада.

Приехала мать Нади Татьяна Тимофеевна. В ворота вошёл грузовик, полный капусты. Татьяна Тимофеевна и ещё несколько женщин, сидевших наверху, принялись сбрасывать капустные кочаны прямо на землю около маленького домика в углу двора. Швыряли так шумно и озорно, что гуси, отдохавшие у забора, разволновались, зашипели и вытянули шеи, угрожая шофёру, грузовику и всем нарушителям спокойствия.

Когда грузовик ушёл, мы с Надей взялись за укладку кочанов в одну кучу. Толстые, холодные листья поскрипывали, и во всём дворе будто стало холоднее. Запахло той крайней осенью, когда по утрам на блёклой траве роса превращается в иней, а иней снова становится росой, когда в садах снимают последнюю айву, припахивающую вином, а тыквы с крыш переносят в сенцы и чуланы.

Надина мать принесла из кухни нож, вырезала две самых больших кочерыжки, одну дала Наде, другую мне. Мы очистили кочерыжки моим перочинным ножом, — сначала Надину, потом мою. Одновременно мы откусили самые верхние тоненькие концы кочерыжек, затем начался такой хруст, который, мне кажется, заполнил весь двор. А гуси

без всякого удовольствия, даже с видимым раздражением схватывали белые прохладные стружки, перебирали их толстыми клювами, нехотя заглатывали и сердито кричали в нашу сторону: обидно им, что у нас хрустит, а у них ничего не получается.

— Гринька Цибулин приходил, — доложила Надя матери.

— Чего он?

— Боится, как бы Лидку из комсомола не вышибли.

Татьяна Тимофеевна задумалась, озабоченно покачивая головой.

— Если Лидку Цибулину исключать из комсомола, тогда... уж я не знаю, какие же люди должны быть в комсомоле — сахарные, что ли? Все знают, какая семья Цибулиных. Это золотая семья.

О семье Цибулиных Татьяна Тимофеевна рассказала следующее.

Дед Мирон Цибулин в гражданскую войну был добрым рубакой в Будённовских частях и погиб под станицей Касторной. Сын его Степан Миронович Цибулин был командиром эскадрона в Отечественную войну и погиб под Таманью. Старший сын Степана Дмитрий Цибулин сгорел в своей машине под Прагой. Жена Дмитрия Оля погибла здесь под станицей, когда немецкие самолёты обстреляли молотилку второй бригады. При бомбёжке станицы сгорел дом Цибулиных и все надворные постройки. Из цибулинской семьи уцелели бабка Домна да вдова Степана Мироновича Марья с тремя детьми. И вот подросли дети — Лида, Гриша, Виктор. Все вместе с матерью работают рядовыми в колхозе и славятся по всей станице как лучшие стахановцы. Живут в новом четырёхкомнатном доме, который вне всякой очереди был выстроен колхозом для осиротевшей семьи. Хорошо, богато живут Цибулины. Теперь они отдадут Аиду замуж за славного парня Кольку Воротынцева. Всё хорошо. Да бабка Домна Цибулина путает добрых людей, по слухам, хочет она свадьбу справить на старый лад. У бабки Домны ноги простуженные, она ходить почти не может, — от печки до кровати с трудом добирается. В семье её любят, ухаживают за ней, балуют её. Она и блажит. Сегодня у Цибулиных свадьба. А, видно, с бабкой-то комсомольцы не сговорились. Вот Гринька Цибулин и беспокоится. Старые что малые, никакого соображения, у бабки, гляди, ум за разум заходит, она и капризничает.

...Надя уговаривала меня посмотреть свадебный поезд. Мы прошли три квартала и увидели дом Цибулиных, большой и красивый, с зелёными наличниками, с мелкой замысловатой резьбой, окаймляющей фронтон, с застеклённой верандой по солнечной стороне, у широко раскрытых ворот стояло пять тачанок и линеек в пароконной упряжке. Лошади, изукрашенные лентами и цветами, нервничали в окружении шумной весёлой толпы. Детвора гроздьями висела на оголённых голубоватых ветвях старых белолисток.

Перекрывая этот весёлый уличный шумок, репродуктор, поставленный на перекрёстке, рассказывал о войне в Корее, о сожжённых городах и сёлах, о расстрелах с американских самолётов крестьян, застигнутых на полях. Гитлеровцы труменовского призыва тешатся, как тешились восемь лет тому назад их предшественники на подступах к Тереку, — вот в этих местах. Неподальёку от станицы зарыто в одной яме три тысячи восемьсот трупов гитлеровских солдат и офицеров.

Степанные станичники слушают радиовести о Корее и горестно кивают головами. А у Цибулинских ворот растёт оживление. Там всё задвигалось, засуетилось. Надя схватила меня за руку.

— Идёмте ближе, а то мы ничего не увидим. Лидка выходит! Вот она, Лидка!

Невеста хорошо видна и отсюда. Она появилась в дверях дома, белая, как снегурочка, в платье с длинным шлейфом и в цветах. Минуту она помедлила, и что-то изменилось в её внешности. Цветы исчезли. Над плечами её поднялись белые крылья и исчезли. Потом цветы вновь украсили её русую гладко причёсанную голову. Она медленно сошла по ступенькам. Парни и девушки расступились, и через их цветистый строй, сопровождаемая подругами, Лида прошла к тачанке. Лицо её улыбалось светло и растерянно. Кучера в

каракулевых шапках гикнули, щёлкнули кнутами, и кони понеслись к центру станицы. Девтора устремилась следом.

Перед вечером, сидя в укромном местечке на берегу Терека, я заметил, как между деревьями ковыляет маленький «москвич». Неподалёку от меня машина остановилась. Из неё вышла моя приятельница Надя в новеньком пионерском галстуке.

— Вот он! Вот вы где! Это я вас нашла!

Вслед за Надей из машины вышел румяный, явно подвыпивший председатель колхоза «Красное знамя» Иван Терентьевич Богданюк. Он приехал, чтобы пригласить меня на свадьбу, и приглашал таким шумно-укоризненным тоном, будто я до его приезда успел раз двадцать отказаться от приглашения,— чего на самом деле не было.

— Нельзя же так, товарищ представитель печати! Зачем чураться простых людей? Это же есть наш новый советский быт, вот и всё.

— Быт-то советский,— возразил я, — только, говорят, столетняя старуха командует вашим бытом.

— Да абсолютно же нет, товарищ представитель печати. Это только одни разговоры. А на самом деле вопрос полностью отрегулирован.

Дорогой Богданюк рассказал мне, как отрегулирован вопрос. Ввиду отсталых взглядов и слабого здоровья бабки Цибулихи, к ней прикрепили двух очень дельных старушек, которые рассказывают бабке всякие сказки-небылицы о том, какой была красивой невеста в восковых цветах и под фатой и как шло венчание в церкви; как горели свечи, как пел поп и прочее такое. Бабка слушает да радуется, а лишних людей к ней не подпускают — и всё идёт как по писанному.

Весёлый рассказ Богданюка казался мне пустой, неразумной выдумкой, уж очень по-водевильному закручен весь сюжет этой идеологически выдержанной свадьбы: не венчали, а как бы повенчали. Старушки-активистки в блоке с комсомольцами... Дальше, пожалуй, станут уверять, что вместо икон для благословения бабки подсунули портрет Чапаева и Кочубея, а вместо евангелия — первый том мичуринской агробиологии.. Да ещё и меня втягивают в эту историю с очевидным намерением обезвредить или даже добиться похвалы в печати. Лучше бы мне сидеть в доме колхозника да почитать книжечку.

— А я доклад уже наизусть выучила,— доложила Надя,— могу без бумажки. А на свадьбе мы с Томочкой будем патефон заводить по очереди. А когда домой идти, уже будет темно, я одна боюсь, и мы пойдём с вами. Ладно?

Очень предусмотрительная девочка.

Свадьба в доме и во дворе Воротынцевых шла довольно пышно, шумно, а на отдельных участках и весьма пьяно. С баяном, аккордеоном и патефоном.

Я позволю себе воздержаться от описания румяных жареных гусей,— ввиду того что в нашей литературе на колхозные темы, а равно и в кино эта свадебная птица, обложенная печёными яблоками, представлена вполне удовлетворительно. То же и насчёт окороков, солёных арбузов и того самого вина, которое при огне светится точно рубиновое (можно писать: янтарное; можно цитировать Горького о Массандре без надлежащих ссылок и делать вид, что сам додумался). Попробую не описывать и того обязательного старика, который сказал: «А ну, расступись, дай тряхнуть стариной», после чего отплясывал не хуже молодого. Был такой старик. И была та старуха, которая взмахнула платочком, подбоченилась и пошла, пошла... Много было народу, много хорошей еды и питья. Много электрических лампочек было развешено по всему двору и под навесом. Я не обременял себя записью особенно мудрых, глубокомысленных бесед и отдельных цветистых реплик, которые несомненно раздавались под звон стаканов и чайных чашек (иные пили вино чайными чашками и наливали не из графинов, а из кувшинов).

Много было хороших тостов. Один из них заставил почтенных гостей призадуматься. Произнёс его Богданюк. Он сказал:

— Мы люди дружные. Сегодня гуляем и выпиваем, как один. А завтра, чем свет, выйдем, как один, на уборку хлопчатника. Иначе мне запишут строгача, и вам всем, товарищи, от этого будет малое удовольствие.

Тост этот поддержала Марья Антоновна Цибулина, мать невесты, пожилая, спокойная женщина с трезвой весёлой улыбкой. Она обратилась к девушкам с призывом собрать всё до пушиночки.

Справедливость требует отметить, что девушки мало слушали ораторов, они танцевали. Баянисты сменялись. На круг вышли жених и невеста.

— Лезгинку!

Жених Коля Воротынцев — паренёк небольшого роста, но бешеного темперамента, знает, как надо исполнять лезгинку. По-горски танцевала её и Лида, одетая в голубое. Это была очень красивая и стремительная пара. Гости поддерживали ритм лезгинки дружными залпами хлопков. Заметив меня и Богданюка, Гриша Цибулин приблизился, держась за спинки стульев.

— Полный порядок,— доложил он.— Только у меня выдержка... не на все сто... Я до вина ещё непривычный... Аж всё кружится...

Мы с Богданюком прошли в дом, где пировало преимущественно старшее поколение, разговаривали здесь очень громко, стараясь перекрычать патефон. Надя и её подружка Тома Воротынцева, не щадя сил, по очереди крутили ручку и ставили пластинки.

В углу второй комнаты, за большим фикусом, на мягком цветистом диване сидели три старых женщины. Перед ними — низенький, на уровне колен, татарский столик с вином и фруктами.

Домну Цибулину я узнал сразу, а, узнав, поразился полным отсутствием сходства с тем образом, который сложился в моём представлении по характеристике её ближних. Я ожидал увидеть маленькую злую старушонку с жёлтым восковым лицом, отмеченным печатью унылого ханжества. А передо мной сидела плечистая, большая, нарядная, я бы сказал, роскошная старуха, чем-то напоминающая Книппер-Чехову в роли графини Екатерины Ивановны Чарской («Воскресенье»). У Домны открытое полное лицо и складки от уголков губ идут не книзу, а, как перевёрнутые запяты, дрожат смешинками. На плечах её небрежно наброшен пышный пуховой платок, колени прикрыты байковым одеялом тёмновишнёвого цвета, а в беспокойных руках, лежащих на коленях, небольшой букетик астр, белых и розовых. Руки шевелятся, и яркие непахнувшие цветы нервно бьют по коленям. Вот она какая, Домна Цибулина. По бокам её сидят две старухи, маленькие и тихо весёлые — те самые, идеологически выдержанные.

У Домны Цибулиной убили мужа, убили сына, убили внука, убили внучку, разбили, сожгли, испепелили её дом. А она, Домна, сидит красивая, могучая, несокрушимая, ясная и удивительная, как слово русь. И губы её изгибаются живой, чуть пренебрежительной улыбкой. И то обстоятельство, что Домна сидит не во главе стола, где ей обеспечен почёт и прославление, а выбрала она себе место, где ей удобнее и покойнее, говорит о многом, говорит о том, что старуха неглупа, что она живёт, а не отбывает бремя почёта на пиру, где подаются кушанья не по её зубам. Слегка прищурив зоркие глаза, Домна смотрит сквозь ветки фикуса на моего спутника Богданюка. Он и здесь произносит тост об уборке хлопчатника и в этой связи об угрожающем ему «строгаче».

Домна, задумчиво покачивая головой, обращается к соседке справа:

— Хороший он парень,— Ванюшка Богданюк, а похоже, не быть ему нашим председателем. Высшего образования нету, у него и среднего образования нету. Парнишка воевал, — откуда же ему быть-то, образованию? Ну, откуда?

Домна сердито бьёт астрами по коленям, розовый лепесток отрывается и падает на пол. Старушка справа степенно возражает:

— А хотя бы и нету образования, так что? Да поставь ты его, Ивана, на экзамен рядом с тем агрономом Волошиным. Кто лучше знает по хозяйству — Волошин аль Богданюк? Все скажут, что Иван Богданюк лучше знает по хозяйству!

Патефон заглушает разговор старух: — «На закате ходит парень возле дома моего...» Скорее бы кончилась пластинка, хочется дослушать старушечий разговор. Мне известно, что в станице поставлен, но ещё не решён вопрос о слиянии трёх богатых колхозов в одно громадное хозяйство с земельной площадью в двадцать восемь тысяч гектаров. Кто будет председателем укрупнённого колхоза? В двух концах станицы ревниво называют двух возможных кандидатов — Богданюка и Ситникова, нынешнего председателя колхоза «Хлебороб». Оба дельные, толковые руководители. Председатель третьего колхоза имени Калинина — Стаценко слаб характером, падок до вина и в спорах не упоминается. Но есть разговор о старом коммунисте участковом агрономе Волошине. Этот мягкий в обращении, но настойчивый, жёсткий в работе человек пользуется уважением во всех трёх колхозах.

Три старухи разбирают и оценивают деловые качества Волошина и приходят к выводу, что по хозяйственной хватке Волошин, пожалуй, не хуже Богданюка, а по грамотности, по культуре, — что и говорить... Только чем же виноват Иван Богданюк, что он не был ни в институте, ни в академии?.. Уж если иные думают, что Богданюк не потянет большого хозяйства, так пусть хозяйствует Волошин, пусть он будет председателем. А Ивана Богданюка тоже надо избрать хотя бы заместителем председателя.

— Только нас, старых ворон, об этом не спросят, — сердито заключает Домна. — Вот увидите, не спросят. Нам готовенькое поднесут. И получится... вроде вот этой свадьбы. Женятся люди, как им надо. Все видят, все понимают. Только старые, да глухие, да глупые ничего не видят, ничего не понимают. Так им детскую жёвку жуют да в рот суют. «Повенчали, бабушка, обкрутили, бабушка, радуйся, дура старая...» Так вот оно и вытворяется.

Сделав этот неожиданный крутой поворот в разговоре, Домна посуровела, свела толстые тёмные брови к переносице. Старушки, сидящие по бокам её, забеспокоились, завозились, опасливо поглядывая в сторону гостей.

— Ладно уж тебе, Домнушка, — ласково заговорила старушка слева, — не со зла нас мяконецким-то кормят. От доброго сердца у людей заботушка об нас, чтобы жилось нам тёпленько да тихонько. Вон Коленька-то Воротынцев как о тебе заботится. Купим, говорит, путёвку за тысячу триста да отвезём, говорит, бабушку Домну на курорт, на Черноморье, в Мацестову санаторию. Там вода из земли хлещет, горяча, да шипуча, да вонюча, а над той водой учёный профессор поставлен. Он, тот профессор-то, и попарит ноженьки нашей дорогой бабушке Домнушке. Они, ноженьки-то, и пойдут-побегут, как у молоденькой.

Ласковая припарка, видимо, подействовала. В уголках губ сердитой старухи шевельнулись резвые запяты. Но лицо прояснилось не вдруг.

— У Кольки язык без костей, он наговорил, только слушай. Была охота им, молодым, таскаться со старухой по святым местам.

— Да не по святым местам, — поправила старушка слева, — а по научным местам. Туда сколь наших солдат ездило. Люба раночка заживает, люба косточка крепнет.

Я подал знак Богданюку, приглашая его послушать разговор старух. Он неправильно понял меня, румяный, сияющий он подошёл к старухам со стаканом вина в руке.

— Что же вы, бабушечки, винцо-то поберегаете? Али у нас в подвалах пусто? Бочки рассохлись что ли?

Боковые старушки заулыбались приветливо. Домна насупила брови и заворчала вполголоса, так, чтобы сидящие за столом не слышали.

— Ты иди вон там гуляй. Иди, иди отсюда. Балбес!

Видимо, в связи с этим словом я и вспомнил Книппер-Чехову в роли Чарской, когда она отчитывает Нехлюдова, называя его балбесом. Да, Домна смахивает на старую важную барыню графиню, сидящую в своём салоне. Ей ничего не стоит прогнать с такой бесцеремонностью даже самого председателя колхоза.

Богданюк не обиделся. Он отступил, не утрачивая весёлого настроения.

— Кто ещё желает сказать тост, товарищи? — спросил Богданюк.

Ораторы не отзывались.

— уже все говорили, — тихонько сообщила мне Надя.

— А ты ещё не говорила. Скажи-ка тот свой доклад, — посоветовал я.

Надя очень обрадовалась и оживилась.

— А можно мне?

Она спросила достаточно громко. Гости рассмеялись. Богданюк с изумлением посмотрел на девочку и сказал:

— Можно. Ну-ка, ну-ка, сказани, Надюша!

Надя неторопливо вышла на середину комнаты, стала рядом с Богданюком, подняла руку и при полной тишине сделала свой чудесный четырёхминутный доклад о том, как хорошо жить, когда на земле мир и кругом сплошные пятёрки.

Пока гремели аплодисменты, бабка Домна поманила Надю пальцем к себе, за фикус, прижала её к своим коленям, обняла, положила свою большую ладонь на её голову.

— Вот они у нас какие растут... Вот какие... Вот за кого кровушка-то пролита!

Она тихонько гладила Надину голову и заглядывала в её весёлые, чуть насторожённые глаза. Потом спросила:

— Ты чья же будешь?

Надя назвала себя. Домна сдвинула брови, на лице её появились страдальческие складки, — видно, вспомнила, что отец Нади погиб на фронте; в следующий миг старуха заставила себя улыбнуться. Она выбрала самую большую перезрелую дымчатую грушу и дала её Наде.

— умница ты наша, умница... Ну-ка поставь ещё раз пластинку «Едут, едут по Берлину наши казаки!..»

Часов в десять бабка Домна потребовала, чтобы её отправили домой. Её вели под руки, и подзипившие гости стихали и расступались перед ней. Богданюк подал машину и, широко открыв дверцу, стал около неё навтыжку. Он «ел глазами начальство», только в его хмельных глазах искрились, плясали весёлые чёртики.

Гриша, оказав заботливую помощь бабушке, под шумок спросил меня:

— Как всё-таки думаете, на заочное могут принять?.. У меня уже есть сорок три стихотворения и одна небольшая поэма.

— Пожалуй, примут. Только ты, Гриша, напиши ещё одну поэму. Напиши поэму о своей бабушке... Да нет же, Гриша, я не шучу, я всерьёз, совершенно всерьёз. Подумай над этой темой. О бабушке Домне можно написать большую и очень хорошую поэму. И тогда тебя безусловно примут на заочное отделение.

Богданюк посадил меня рядом с бабушкой, а Надю рядом с собой.

— С ветерком прикажете, бабушка?

— Я вот тебе... дам по затылку, так будет с ветерком.

Мне было видно, как у Богданюка щёки округляются от сдерживаемого смеха. Машину он вёл тихо, осторожно и поминутно сигналил, будто задавал концерт.

— А ты откуда? — спросила меня бабка Домна.

Я отрекомендовался. Старуха помолчала, пожевала губами, спросила:

— Как думаешь, — война всё-таки будет аль нет?

— Нет.

— Гм... Я тоже так думаю... Мне ведь ещё надо двух младшеньких переженить. Нельзя пускать в солдаты неженатых, надо, чтобы племя оставалось, чтобы сила росла... А они вон как лютуют на нас, американские начальники, лают, просто как кобели лают. А сами боятся.

Когда мы подъезжали к дому Цибулиных, бабка спросила:

— Ты кого записал в нашем колхозе? Каких стахановцев?

— Дробниковых, Цибулиных, Воротынцевых, Дудиновых...

Я замялся, припоминая фамилии лучших людей колхоза.

— Мало ты записал, — укоризненно сказала бабка.— Ты Веру Чеботарёву запиши, Петра Коломейцова, Настю Трубникову из второй бригады... Поспрашивай хорошенько нашего председателя Ивана Терентьича, он тебе скажет, он знает.

Вытаскивать огромную старуху из маленькой машины, подниматься с ней по ступенькам оказалось делом нелёгким. Мы с Богданюком трудились, напрягая все силы. Нам помогала Надя и пятнадцатилетний Виктор — младший Цибулин. Его оставили дежурить по дому, и он возмутился: все гуляют, а он тут как проклятый сидит

Мы усадили бабку на стул возле её кровати.

— Ну вот,— грустно вздохнула она, опустив голову, — Улетела моя голубонька.

Затем старуха покопалась за пазухой и вытянула длинное белое покрывало из тончайшего шёлка. Как я догадался, это была та самая дискуссионная фата. Богданюк с притворной рассеянностью обозревал картины на стенах.

— разбойники! — сурово забранилась старуха.— Чистые разбойники. Гриньке в карман запихали, а у него там... химический карандаш. Вот оно что получилось.

На измятом шёлке местами виднелись фиолетовые пятна и прочерки. Старуха сердито отбросила шёлк на спинку кровати.

— Что это такое, бабушка? — спросил я.

— А так, пустое... Это нужно было моей голубоньке... В муках жили, сто смертей видали, в золе спали, соломой укрывались, а вырастили, как цветочек, как ту белую розочку. И как же нам не погордиться перед всеми добрыми людьми? А они её с непокрытой головой везли по станице. Оболтусы!.. Ну, ладно, это уже не твоё дело. Ты ещё кузнеца запиши Митрофана Николаевича Лагунова, вот уж настоящий стахановец, вот уж золотые рученьки...

Прищурив глаза, старуха внимательно присматривалась к Богданюку. Потом продиктовала:

— Председателя тоже запиши, Ивана Терентьевича Богданюка. Хороший мужик, хозяйственный, об людях вон как заботится, спасибо ему. А случаем будет брехать про мою несознательность, так ты не слушай, сам, поди, видишь: во хмелю человек, с него и спрашивать нечего...